

3
1963

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛЕТЯЩИЕ ПО ВСЕЛЕННОЙ

Научно-фантастический рассказ

*Это драма, драма идей.
А. ЭЙНШТЕЙН*

Возле стола, за которым я сидела в первом классе, было окно. Совсем рядом: я могла дотянуться рукой до прогретого солнцем шершавого подоконника. Шли годы, менялись комнаты, но я всегда выбирала место поближе к окну. Наша школа стояла на окраине города, на высоком холме. Из окна было видно множество интересных вещей. Но чаще всего я смотрела на антенну радиотелескопа. Антенна казалась маленькой, хотя я знала, что она огромна — обращенная к небу трехсотметровая чаша.

Мне нравилось следить за ее загадочными движениями. Может быть, поэтому все, что я узнавала в школе, как-то само собой связывалось с антенной.

Это была антенна радиотелескопа, ловившего сигналы разумных существ с чужих планет.

Мы дружили с антенной. Когда я не могла решить трудную задачу, антенна подбадривала меня: «Ничего, ты обязательно справишься! Ведь и мне не легко. Надо искать, искать, искать...» Весной солнечные лучи отражались от внешней поверхности рефлектора, и белый зайчик бродил по классному потолку. Днем и ночью, в жару и холод, в будни и праздники она работала, антенна моего радиотелескопа.

Но однажды она остановилась. Я посмотрела в окно и увидела неподвижную, склонившуюся вниз чашу. Тогда я побежала к ней. Я бежала так быстро, как только могла: школьный двор, улицы, шоссе... Под антенной спокойно ходили люди; никто не обращал на меня внимания.

Я долго не возвращалась в интернет. Я знала: меня будут спрашивать, почему я плачу. Как это объяснить?..

С тех пор антенна телескопа оставалась неподвижной. Я прочитала в газете, что продолжавшиеся более сорока лет попытки поймать сигналы инозвездных цивилизаций оказались безуспешными. По-прежнему в мое окно была видна решетчатая чаша антенны. Но солнечный зайчик уже не бегал по потолку. Иногда у меня мелькала наивная и дерзкая мысль: я что-то поищу, придумаю, и снова телескоп будет шарить по небу...

Я стала астрономом, а в астрономии выбрала проблему сязи с инозвездными цивилизациями. Нас полшутя называли поисковедами. Я стала поисковедом в трудное время. Последняя, очень серьезная и оставшаяся безрезультатной, попытка вызвала разочарование. Многие поисковеды занялись другими проблемами. Мы видели, что старые пути непригодны, а новых не знали.

В нашем институте осталось тридцать человек, едва ли не половина всех поисковедов на Земле. Не было таких гипотез, которые мы бы отказывались проверить. Наши инженеры изобретали тончайшие радиофильтры и конструировали сверхчувствительные системы молекулярных усилителей. Мы готовились к новым поискам.

И вот в течение двух дней все изменилось.

Вечером первого дня я встретила с человеком, которого знала очень давно. Мы долго ходили по городскому саду, потом спустились к набережной. Шел мелкий дождь. Мы сидели у самой воды и говорили. Это был тягостный разговор. Временами я слышала наши голоса как бы со стороны и думала: «Почему мы не можем понять друг друга?» Слова были подобны холодным каплям дождя на плаще. Все, что мы сказали в этот вечер, делало невозможным самое простое: произнести несколько хороших слов. Простые и обычные слова показались бы сейчас ненужными, фальшивыми.

Я возвращалась домой пешком, вдоль реки. Я шла и старательно доказывала себе, что этот человек мне безразличен. Доказательство получалось логичное и точное, как геометрическая теорема.

Потом я стояла на мосту и думала, почему все так сложилось. Как легко доказать теорему и как трудно доказать любовь! Сквозь серую дымку дождя я смотрела на огни города и думала: «Они горят, и я их вижу; если они погаснут, я увижу, что их нет. Все просто. А как увидеть любовь?»

Мне очень трудно объяснить, что я тогда чувствовала. Я пыталась это сделать только для того, чтобы стало понятно дальнейшее.

Над рекой дул сильный ветер, я промерзла и побежала домой. Я долго ходила по комнате и, когда это стало невыносимым, начала разбирать свои книги.

И тут обо всем забыла. Перелистывая страницу за страницей, я думала о том, что в каждую эпоху люди, естественно, представляют себе внеземные сигналы такими, какие были в то время на Земле. Изобрели радио — и ожидали, что поймут радиосигналы. Взлетели наши первые ракеты — начали говорить о прилетах космических кораблей. Возникла квантовая

оптика — стали ловить световые пучки... Но почему обязательно так? Сигналы, если они есть, посланы цивилизацией, которая несравненно старше нас. Сигнальные цивилизации (это наш профессиональный термин) должны быть не просто более развитыми. Они всемогущи, они умеют делать все, что только не нарушает законов природы. Они пошлют не те едва слышимые сигналы, которые мы ловим на пороге чувствительности приборов, а сигналы колоссальной мощности. Сигналы столь же яркие, как городские огни, на которые я смотрела с моста. Не увидит их только слепой! Но таких сигналов мы не знаем. Либо их нет вообще, либо...

Вывод был ошеломляющий: сигналы перед нашими глазами, они примелькались, и мы их просто не замечаем!

...Это была сумасшедшая ночь. Я не спала ни минуты. Меня лихорадило от сознания, что открытие где-то рядом.

— Они горят, — повторяла я, — они видны всем. Если они погаснут, мы увидим, что их нет...

Под утро я устала и уже без всякого волнения смогла заново проследить весь ход мыслей. Сигнальные цивилизации далеко обогнали нас в развитии, но и для них недоступны сверхсветовые скорости. Они не будут летать в поисках разума. Они пошлют сигналы. И это будут не направленные сигналы, а что-то вроде призыва: «Слушайте все!» Такой сигнал должен автоматически «сработать» везде, где возможна высокоорганизованная жизнь. Скажем, на планетах, имеющих атмосферу. Значит, сигналы должны быть однотипными для Земли, Марса, Венеры. А главное — они будут длительными, эти сигналы. Они должны работать миллионы, даже десятки, сотни миллионов лет. Но что выстоит миллион лет?! За такой срок разрушатся и высочайшие горы...

В 9 утра я начала эксперимент. Идея его была проста. Я нашла новый путь, а пройти по этому пути предстояло машине, серийной логической машине «Р-10». Я запрограммировала задание, смысл которого был приблизительно таков.

Допустим, мы стали всемогущими. Решено послать сигналы на все планеты, где в принципе могут быть высшие формы жизни. В том числе и на неизвестные нам планеты. Сигналы должны быть видимы всем хоть сколько-нибудь разумным существам.

Что это за сигналы?

Я пустила машину, а потом отнесла копию программы своим товарищам. У нас принято подвергать новые гипотезы самой разностной критике. Мы испытываем новые идеи, как металл, который пойдет на ответственное сооружение.

Я вернулась в свою лабораторию. Машина работала. По показаниям контрольных приборов я видела, что машина поглощает все новую и новую информацию. По ее требованию информация передавалась из центральных хранилищ.

Мы не раз применяли такие машины для проверки своих гипотез. Машины никогда не смеялись. Но они вдребезги разбивали многие хитроумные идеи. Как-то мы подсчитали, что машине типа «Р-10» нужно в среднем девять минут, чтобы вдребезги разнести очередную поисковедческую гипотезу...

Я смотрела на часы. В лабораторию набились все наши. И все смотрели на часы. Прошло сорок минут, машина работала, и мы видели, что она посылает все новые и новые запросы. Двенадцать минут она рылась в информационных архивах Международного астрофизического союза. Четыре минуты длился ее разговор с Пулковской обсерваторией. И вдруг полнейшая неожиданность: машина надолго связалась с отделом информации Киноархива. Не знаю, что искали там ее электронные собратья, но это продолжалось более трех часов.

Мы ждали. Кто-то догадался позвонить, чтобы нам принесли обед сюда, в лабораторию. Машина соединялась с самыми различными организациями. Казалось, будто человек, захлебываясь от спешки, выпаливает вопросы.

В шесть вечера меня заставили уйти. Я прошла в библиотеку и легла на диван. Меня обещали разбудить через час. Когда я проснулась, было без пяти двенадцать. Я побежала к «Р-10». Она работала. Мне сказали, что с девяти часов машина занимается обработкой данных по Марсу и Венере.

Мы сидели всю ночь. Почти непрерывно звонил телефон, нас спрашивали, но что мы могли ответить?.. Сигналами должно было оказаться нечто всем известное, обыденное. И мы понимали: не так легко будет переломить себя и по-новому взглянуть на то, что испокон веков считалось земным...

В восемь утра машина закончила работу. За ночь прилетели астрономы из Москвы, Мельбурна и Оттавы. Комната не могла вместить всех, и многие сидели в коридоре. Егоров, наш начальник, подошел к буквопечатающему аппарату машины, нажал клавишу, и машина коротко отстучала:

— Полярные сияния.

Мы растерялись. Мысль о полярных сияниях появилась у нас еще вечером, но мы ее почему-то отбросили. Перебивая друг друга, мы сформулировали первый вопрос:

— Полярные сияния зависят от деятельности солнца. Разве это не так?

— Да, — ответила машина. — Сигналы накладываются на идущий от Солнца поток корпускул. Для длительных сигналов целесообразнее использовать местную энергию. Сигнальный же характер полярных сияний проявляется в закономерном чередовании окраски.

Поднялся такой шум, что я ничего не могла разобрать. Машину засыпали десятками вопросов, но Егоров сказал: — Не все сразу! Прежде всего нам надо знать, как именно... словом, как они меняют цвет сигналов.

Он запрограммировал вопрос, а машина ответила:

— Периодичность — два с половиной года. Продолжительность — полтора-два часа. Через каждые два с половиной года аналогичные сигналы наблюдаются и в полярных сияниях на Венере и Марсе. Лучшее описание — по данным Диони, Исландия, 1865 год.

Через час нам привезли микрофильм, снятый с книги Диони. Вот как описывалось там это сияние:

«Нас известили о начинающемся северном сиянии, и с возможной поспешностью мы вскарабкались на самую возвышенную кровлю форта. Близ зенита разгоралось белое облако.

Сначала осветились края облака, затем оно вспыхнуло, и белый свет залил небо и море. Изящные снасти нашей шхуны отчетливо выделялись на этом северном свете. Потом сквозь белый свет, который достиг полного блеска, мы увидели красную ленту. Это не дуга, так часто описывавшаяся, но гибкая световая лента, имеющая хорошо очерченные границы. Внезапно красная лента погасла. Небо представилось нам опустевшим, но вскоре лента зажглась вновь. Затем красный свет ленты сменился желтым. Эти светлые полосы, казалось, были согласованы друг с другом. В течение получаса они появлялись и гасли через равные промежутки времени, после чего мы увидели сноп цветных лучей. Длинные светящиеся столбы поднимались вверх, смелые и быстрые. Они были различного цвета, от желтого до пурпурного, от красного до изумрудного. И, словно завершая это величественное зрелище, на небе вновь возникли красные и желтые чередующиеся ленты. Постепенно они поднялись вверх и превратились как бы в брачный венец неба. Сияние приняло обычный для этих мест вид...»

Мы долго молчали. Потом кто-то сказал:

— Две красные ленты и одна желтая... Это нечто вроде вызова. А сама передача — световые вспышки в виде столбов.

Да, здесь угадывалось какое-то отличие от обычных форм сияния... Но нам так и не удалось найти подробного описания или цветных кинокадров основной части «передачи». К северному сиянию привыкли, никому не приходило в голову рассматривать их как сигналы иных цивилизаций и вести кино съемки непрерывно в течение двух-трех лет. Мы обнаружили лишь несколько кадров, в которые случайно попали сигналы «вызова». Это была лента старой кинохроники, запечатлевшая морской бой в полярной ночи. Сквозь ослепительные вспышки оружейных залпов и раскаленные прочерки трассирующих снарядов трудно было разглядеть призывные сигналы космоса...

* * *

Сейчас, когда я пишу эти строки, воздух дрожит от гула моторов. На станцию «Северный полюс» пришла новая группа винтолетов. Если гипотеза верна, через семнадцать дней мы увидим «сигнальное» сияние. Наблюдения будут вестись на полюсах Земли, Марса, Венеры. Мы работаем днем и ночью, как работала когда-то, не зная отдыха, антенна за моим окном.

Быть может, миллионы лет загорались эти огни. Они светили над безлюдной Землей. Светили пещерному человеку. Светили в тот день, когда в Риме, по площади Цветов, вели на казнь Джордано Бруно...

Вновь и вновь над Землей вспыхивали звездные сигналы. Их заслонял порой слепящий огонь войны. На них смотрели глаза людей, поглощенных своими заботами. Но те, кто их посылал, были терпеливы. Они знали, что наступит время, когда человек — первым был человек моей Родины — вырвется в космос. Знали, что наступит время, когда сигналы будут замечены. Это время пришло!

Мы услышим голоса, летящие по вселенной...